

В построении этого стиха „о блудном сыне“ наблюдается некоторое композиционное сходство с планом повести о Горе-Злочастии.¹ Повесть начинается обширным предисловием; в нем вспоминается грех первых людей, после которого стало „зло племя человеческое“. Люди рождены в грехе — таков смысл этого предисловия. И стих начинается признанием: „В беззакониих зачат есмь и во гресѣх роди мя мати моя...“ Рассказ о „грехе“ самого молодца — желании жить по-своему — в повести начинается переходной фразой: „Будет молодец уже в разуме“, затем следует наставление отца с матерью о том, как надо жить, а перед ответом им молодца автор от себя замечает: „Молодец был в то время се мал и глуп, не в полном разуме и не совершен разумом“. Первый раз „разум“ употреблено автором в смысле возраста, второй — синонимично выражению „мал и глуп“. В стихе с такого же применения слова „разум“ — возраст начинается рассказ о приключениях героя: „Егда приидох во разумо“. И в повести и в стихе описывается далее разгульная жизнь молодца, на которую его толкает „мил надежен друг“ в повести, „други“ — в стихе. Разорившись молодец остался один — „все дружи прочь отпираются“ в повести, „знаемых лишихося“ в стихе. В обоих произведениях молодец с горечью говорит об этом сам: „Как не стало деньги, ни полуденьги, так не стало ни друга, ни полдруга: род и племя отчаются, все дружи прочь отпираются“ в повести — ср. в стихе: „Егда пихо и веселихося, дружи и братия близо предстояху, егда же обнищах, удалихося вси знаемии и чюжди быша от мене“. Оба произведения оканчиваются молитвой: „Избави, господи, вечныя муки, а дай нам, господи, светлый рай во веки веков. Аминь“ в повести — ср. в стихе: „господи, обрати и спаси мя“.

Сходством плана повести и стиха близость этих двух, по существу, вариантов одной и той же темы не ограничивается. В отдельных эпизодах или выражениях наблюдается и стилистическое сходство между повестью и стихом. Признание героя стиха — „первое бога прогнѣвах, отца опечалих и матери прослезих, и родителей раздражих... не прияю благославения отеча“ (здесь, между, прочим, стих отступает от своего оригинала — притчи, где сын уходит с разрешения отца) — напоминает рассказ молодца о своих проступках на пиру: „ослушался яз отца своего и матери, благословение мне от них миновалося, господь бог на меня разгневалося“. В стихе герой уходит „на чюжу страну далну незнаему“ — ср. в повести обнищавший молодец идет искать счастья „на чужу сторону... на чужу страну далну незнаему“. Оба автора охотно применяют эпитет злой. В стихе: „злыи гостиницы“, „злое дружелюбие“; в повести: „зло племя человеческо“, „безживотие злое“, „злое злочаствие“, „злое горе“, „злая ворона“. В стихе герой со своими друзьями по пирам „братство учиних“, в повести „мил надежен друг назвался молотцу названой брат“.

Стих о „блудном сыне“ не единственный среди стихов покаянных обращает на себя внимание стилистическими совпадениями с повестью о Горе-Злочастии. На ритмическую близость стиха о Московском царстве (из группы „прибыльных“ стихов) указал В. Н. Перетц: „Ритмический склад стиха очевиден и напоминает частью песни, записанные для Рич. Джемса в 1619—1620 г., частью повесть о Горе-Злочастье“ (назв. статья, стр. 476). В различных стихах „покаянных“ можно найти параллели к отдельным выражениям повести: повесть — „Как будет день уже до вечера, а солнце на западе“ — стихи: „солнце ти есть на западе, а день при вечере“ (л. 16); повесть „А сему житию конец мы ведаем“ —

¹ Цитаты из повести даются по изданию П. Симои. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Выпуск VII, 1, СПб., 1907.